

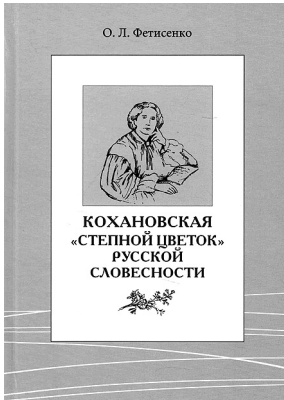
Мечта о «народно-незыблемой православной Руси»

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_378

Фетисенко О.Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н.С. Соханской.

СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. — 424 с. — 300 экз.

У О.Л. Фетисенко довольно редкая специализация. Она исследует консервативный пласт русской литературы в его религиозном аспекте. Вначале это был К.Н. Леонтьев. Впоследствии к нему присоединились славянофилы и Н.С. Соханская. Результатом стали книги «Тептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (2012), «Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858—1884)» (2018).

В названии новой книги автор обыгрывает заголовок известной статьи Надежды Степановны Соханской (1823—1884)¹ «Степной цветок на могилу Пушкина». И логика изложения в книге, собственно, разворачивается, отталкиваясь от степных просторов, могучего разнотравья юга Российской империи, уединенности обитательницы затерянного хутора Макаровка, сыгравших особую роль в становлении и формировании автора повестей «Гайка» (1856), «После обеда в гостях» (1858), «Из провинциальной галереи портретов» (1859) и др. Книга выстраивается как цепь значимых эпизодов жизни писательницы, позволяющих разглядеть отдельные грани и ее таланта, и ее самобытной личности. Главными узлами оказываются встречи и

отношения с коллегами по писательскому цеху, покровительство и помощь которых открыли Кохановской двери газет и журналов (главы «В школе Плетнева, или Черновик на пелеринной выкройке», «Из «Русского вестника» в «Русское слово», «Истина — живая сила» (Кохановская и Иван Аксаков). Начало знакомства. В «Русской беседе». Кохановская в газете «День») или, напротив, позволили выработать самостоятельность и независимость суждений (главы «Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки», «Письмо без ответа: возражение Кохановской на «Исповедь» графа Л.Н. Толстого»). Открывается же книга общим абрисом литературной судьбы Кохановской, где эти важные узлы только намечены («Близко города Славянска»: Кохановская и ее литературная судьба»), а завершается главой «Повести и письма Кохановской: История состоявшихся и несостоявшихся изданий».

Творчество Кохановской представляет собой особую трудность для исследователя, так как стоит особняком в литературном движении середины XIX в., не опирается,

1 Со временем она взяла псевдоним Кохановская, поэтому в тексте будет использоваться псевдоним.

по сути, на предшествующую традицию и не получило развития в будущем. С.Н. Дурьлин предлагал включить его в «историю непрочтенной русской литературы»². Тем отраднее, что наконец-то оно подверглось всестороннему анализу. Не приходит на память варианта, в котором воедино сошлись бы такие четыре фактора, как: автор-женщина, славянофильская ориентация, провинциальный топос, этническая многосоставность (русско-польско-украинское происхождение было, пожалуй, только у В.Г. Короленко). Ее произведения очевидно разбивают установившиеся представления о «женском письме», «женском дискурсе», прогрессивных установках, которые обычно связываются с желанием писательниц занять должное место в литературе. На это обратила внимание еще Н.Д. Хвоцинская, выразившая удивление, что автор повести «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» явно любит своего жестокосердного героя и делает виновной героиню, обрекая ее на «уничтожение своей личности»³. Вывод из критической статьи Хвоцинской был нелестен: «блестящее дарование», «сила и увлекательность <...> сжатого рассказа» потрачены на «опасную» проповедь⁴ (имелось в виду восхваление «старины»).

Возможно, поэтому так легко была принята Кохановская в мужскую компанию славянофилов, а журнал «Сын Отечества» разразился комплиментом: «Если автор "Гайки" (одно из первых популярных сочинений писательницы. — М.М.) женщина, то одаренная талантом необыкновенным и редким в женщине до степени странности»⁵. Для славянофилов она была поистине находкой, восполнив почти полное отсутствие полновесной славянофильской прозы, хотя поначалу ее строптивость, негибкость и крайняя консервативность взглядов даже Аксаковых поставили в тупик. Ее творения подтвердили, что существует особая народно-православная ветвь русской литературы, и ее необходимо поддерживать и помогать ей развиваться.

В то же время Кохановская подспудно, казалось, осознавала, что с положением женщины в русском обществе не все обстоит благополучно, а потому гордилась и особо подчеркивала, что она — «первая русская женщина, которая <...> вошла на кафедру Московского университета, <...> на которую всходили научные и литературные наши знаменитости...» (с. 38). Это же нередко диктовало ей потребность в кокетливом самоуничтожении, бывшем порой паче гордости. Она довольно часто в письмах подчеркивает именно свой «женский» взгляд, «стряпая <...> по-женски такое утомительное письмо» (с. 118), указывает на занимаемую ею «женскую» нишу в литературе. А ее просьбы к первому литературному наставнику П.А. Плетневу уничтожить посланные ему исповедальные записки, которые могут свидетельствовать об излишней откровенности, нарушающей нормы поведения девицы из благородного общества, звучат обычно пародийно-игриво. Вот какие отточенные риторические приемы использует она в письмах к нему: «Я не побоялась явиться перед вами такою, как я есть <...>. Я везде проста, грустна, всегда одинока; а уж жизнь моя, она слишком бедна для цветков поэзии. — Сожгите нас! (Курсив

2 Дурьлин С.Н. В своем углу / Сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 755.

3 Поречников В. [Хвоцинская Н.Д.]. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо второе // Отечественные записки. 1862. № 1. С. 370. Еще более жестко по этому поводу высказался Ап. Григорьев, написав о «преlestи палачества Кирилы Петрова, терзающего Настасью Дмитрову» (Григорьев А. Парадоксы органической критики // Григорьев А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 136).

4 Там же. С. 366, 374.

5 Цит. по: Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / Сост., автор вступ. статьи и примеч. В.В. Ученова. М.: Современник, 1987. С. 462.

мой. — *М.М.*). <...>. Я не имею права требовать; но я же могу просить вас: сожгите весь этот лепет, всю плетеницу борьбы и боли тоскливого сердца! Зачем вам эта мелкая жизнь? Ну, взгляните на нее из любопытства; но, Бога ради, не жгите, не рвите пополам души <...>. Что вам в этой полосе ничтожества и сырых томлений? Зачем оно вам, мое одинокое страданье?» Сегодня мы сказали бы, что корреспондентка «интересничает», ибо ничто во все времена так не покоряет мужчину, как надежда на его покровительство, как признание его власти над собой. («Судьба моя литературная в ваших руках; располагайте ею, как вам угодно» (с. 47), — пишет Кохановская в одном из писем, почти повторяя Татьянино: «Судьба моя уж решена...») И неудивительно, что Плетнев берет на себя роль «растроганного отца, нежнейшего брата <...> и даже того счастливец, которого некогда изберет» (с. 44) истосковавшееся сердце юной выпускницы Харьковского института благородных девиц. Но чтобы увидеть все эти нюансы, надо было обратиться в принципам гендерного анализа и феминистской критики, а О.Л. Фетисенко использует историко-культурную и биографическую методологии, которые, тем не менее, приносят несомненные плоды.

«Ни лукавства, ни хитрости, ни компромиссов не знала ее душа, чистая, как стекло» (с. 41), было написано в одном из некрологов. Но такая душа выстроилась и созрела на протяжении «образцово-христианской» (с. 39) жизни. Поначалу же в юной обитательнице Макаровка жили и хитрость, и лукавство. Однако позже Кохановская явно стала ориентироваться на иную модель поведения, которую в определенной степени можно даже обозначить как феминистскую. На протяжении всей последующей жизни Кохановская демонстрировала напористость, страсть к неподчинению, которую можно расценить как «латентный» феминизм, о котором она сама и не подозревала. Твердость, последовательная защита занимаемой позиции, неуклонное отстаивание сформировавшихся взглядов, нравственная нестигаемость, эстетическая определенность — вот основные черты этого женского характера. В некрологе И.С. Аксаков так и написал: ее произведения «слишком мужественны для слабосильной, размякшей волею, обабившейся русской общественной среды» (с. 266). То есть можно считать, что в конце жизни Кохановская являла собою бесстрашную деву-воительницу, владеющую «мечом духовным», готовую «сражаться за Божье дело» (с. 267), как она квалифицировала свои поступки.

Но не только «негендерный» ракурс сочинений писательницы мог быть предьявлен ей в качестве упрека демократически настроенными литераторами середины XIX в. Кохановская на протяжении всего творческого пути придерживалась консервативно-охранительных взглядов, которые проводила последовательно и отстаивала твердо. Такие писатели не часто попадали в поле зрения литературоведов. А если и попадали, то об их мировоззрении принято было писать уклончиво: «недостаточная отчетливость общественной позиции», отсутствие «надежных мировоззренческих устоев»⁶. Объясняется это чаще всего (за немногими исключениями) действительно недостаточной художественностью их произведений. Почему-то почти закономерностью становится тот факт, что поддержка власти, защита российской государственности, имперские амбиции почти всегда оказываются присущи людям либо малоталантливым, либо почти лишенным таланта. Таковы произведения Нестора Кукольника, некоторые романы В.П. Ключникова и Б.М. Маркевича. В литературе Серебряного века такие фигуры наперечет. Кто помнит Сергея Ивановича Фонвизина? А его романы «Записки свободной женщины», «В смутные дни» и др. имели тысячные тиражи и, следовательно, успех. Но при традиционном подходе к русской литературе как «борьбе партикулярной

6 Там же (примеч. В.В. Ученовой).

фуражки с кокардой»⁷, что было завещано еще шестидесятниками позапрошлого века, выигрывала всегда партикулярная фуражка, то есть все яркое, одаренное, талантливое так или иначе оказывалось на стороне общественного прогресса и находилось в ожидании перемен. При таком подходе выпрямление и сглаживание острых углов были налицо. Достаточно напомнить фразу В.А. Кошелева: «...отыскав среди современных “мошек” “г-жу Кохановскую” и уловив в ее романе “После обеда в гостях” некоторое отличие “от прочих произведений в этом роде”, он [К.С. Аксаков] уже готов говорить о ее новаторстве и предвещать ей великое будущее»⁸. Многое, таким образом, оказывалось за бортом не только изучения, но и внимания публики, как это и произошло с поздними сочинениями Кохановской...

Что касается провинциализма, то это была сознательно выбранная писательницей позиция, хотя Кохановская понимала, что такое положение обязывает ее к поиску посредников, к бесконечным просьбам, обращенным к друзьям-покровителям, так как главные газеты и журналы выходили в столицах. Но ни на минуту не возникло у нее даже мысли расстаться с хутором Макаровка Харьковской губернии, где прожила всю жизнь, к которому была привязана не только из-за местных красот, но и потому, что нельзя «попустить идти вразброс» хозяйству. И как же трогательно звучит ее признание: «Я слишком люблю свою бедную маленькую Макаровку, чтобы равнодушно переносить в ней запустение и непризор ни к чему». Но еще более поразительно слышать из уст писательницы слова о том, что, даже если бы литература и могла ее прокормить, она не обладает «немецкой усидчивостью зарыться в книги и ничего не знать и не видеть <...>». И это произносилось в стране, где принято было считать писателя пророком, а литературу — кафедрой, с которой только и можно услышать учительское слово. Об отсутствии у Кохановской стоицизма говорит и тот факт, что она заводила дружеские связи и с провинциальными сообществами, в которых верховодила «умственная аристократия»⁹. Но только с теми, которые оказывались ей близки по идеологическим устремлениям. Так называемому воронежскому эпизоду в ее биографии посвящена отдельная глава в книге («М.Ф. Де-Пуле и воронежский эпизод литературной биографии Кохановской»).

И наконец, последнее обстоятельство: свою Слободскую Украину она рассматривала сквозь призму принадлежности этих земель России, то есть как своеобразную зону освоения, присоединения, не сказавшегося отрицательно никоим образом на местных обычаях и привычках, как единое культурное пространство, рождающее уникальное сотворчество народов, которому писательница обязана особым речевым строем своей прозы. Она может с упреками обрушиться на равнодушных к историческим событиям русских («Хотя бы совсем смели Одессу, России это все равно, что вот эту рюмку разбить») и тут же привести малороссийские стихи, в которых содержится угроза турецкому султану, что говорит о заинтересованности украинцев в мщении туркам, ибо те «москалив» побили и «човни» их потопили (с. 304—305)... А ее гордость малороссом запечатлена в таких словах: «...величаво-спокойный, полный достоинства <...> рассуждающий, так поэтически чувствующий...» (с. 104).

Так как почти все главы книги строятся с максимальным привлечением выдержек из публицистических работ и цитат из писем Кохановской, мы отчетливо

7 Чуковский К. Заметки читателя. О г. Е. Соловьеве // Одесские новости. 1905. № 6589. 14 марта. С. 1.

8 Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы). Л.: Наука, 1984. С. 182.

9 Выражение М.Ф. Де-Пуле приведено О.Л. Фетисенко (с. 124).

слышим голос самой писательницы, раскрывающий именно обозначенные выше аспекты своего мирозерцания. Порой О.Л. Фетисенко ограничивается по их поводу краткими замечаниями, касающимися в основном характеристик оппонентов или адресатов писательницы, иногда, отгалкиваясь, выстраивает и концепцию существования в русской литературе XIX в. «отрицательного» и «положительного» направлений. В любом случае возникает интереснейший полилог, и отношение автора к деятельности Кохановской прочитывается ясно.

Центральной главой можно считать восьмую, озаглавленную «О некоторых константах художественного мира Кохановской», среди которых главной автор монографии предлагает считать церковно-монастырскую тему, подаваемую в религиозно-патетическом духе. Фетисенко совершенно справедливо отмечает особый поворот этой темы в творчестве писательницы: впечатления от посещения монастырей, «иконология» воспроизводятся писательницей в бытовом ракурсе, «как составная часть жизни мирянина» (с. 175). Подтверждением этому служит восторженное описание в письме к Г.П. Данилевскому сцены общей молитвы семьи владельца одного из постоялых дворов в Малороссии: ими овладело «всеблагословенное, святейшее чувство простоты веры» (с. 313). Но больше всего говорит о причине глубокой религиозности Кохановской ее собственное признание: «...без *этого* разве бы я могла прожить 40-к лет сознательной жизни одинокою, не отупевшею, без улыбки сердечного участия» (с. 194). В вере и молитвах искала она утешения и поддержку.

Также верно наблюдение филолога, что Кохановскую занимали «этноконфессиональные вопросы» (с. 179). Стоило только, наверное, обратить внимание на некоторую односторонность писательницы в их освещении. Конечно, О.А. Фетисенко указывает, что писательница разделяла «вековые этноконфессиональные предубеждения» (с. 227), но все же этого показалось нам недостаточно, тем более что в книге есть глубокое замечание: привлечение к рассмотрению публицистической части наследия писательницы может послужить «ключом к пониманию происходящего сейчас». Вообще подробный разбор заметок Кохановской «Поездка на Волынь», «отчет» о посещении Крыма и братских могил Севастополя можно отнести к лучшим местам книги, учитывая еще и то, что Фетисенко является здесь первопроходцем: до этого публицистика писательницы практически не анализировалась. Теперь читатель остро почувствует особую патетически-скорбную тональность повествования, рассказ о запустении и разорении тех святынь, которые должны быть особо почитаемы. Но стоило все же упомянуть, что порабощение населения Волыни, трудности с возобновлением деятельности православных братств и восстановлением «народно-незыблемой православной Руси» (с. 232) она связала исключительно с засильем польских панов и мздоимством ростовщиков-евреев. Зато «тяжелые требования» по отношению к «бедному истощенному народу с его пиявками» со стороны государства она воспринимала как «необходимые» (с. 234) и само собою разумеющиеся.

Будучи строптивой и рьяно защищающей свое авторское видение, Кохановская, однако, согласилась с тем, что Аксаков дал ее заметке название «Еврейская привилегия», так как, по всей видимости, оно соответствовало содержанию — в ней она рассуждала о широкой возможности для евреев быть «ревнителями по вере своих отцов» (с. 179). Тем не менее, Кохановская нигде не упоминает о том, что быть «ревнителями» для большинства иудеев дозволялось только в пределах черты оседлости. Вообще заметна некоторая предвзятость писательницы к представителям иных культур и рас. Так, какое-то чрезмерное раздражение по поводу появления актера Айры Олдриджа в роли Отелло чувствуется в таких ее эпистолярных строчках: «Зверь в серьгах и бляхах, не возвышающийся поэзией искус-

ства, а позорящий глубину человеческих чувств и истерзанную силу отчаянной души. И как он отвратительно рычит и совершенно по-зверски отвратительно издыхает» (с. 330—331). Эту же мысль она развила в заметке «Ольридж—Отелло (Письмо в редакцию)», где с прискорбием отметила, что тот, «в ком, благодатью простой искренней природы, сохраняется чуткость <...> духа», не примет этого «*натурального* черного Отелло», который вызовет только «отвращение»¹⁰. Возможно, это ее мнение потребовало бы отдельного комментария, а не только указания на насыщенность программы пребывания Кохановской в Москве, где она присутствовала на шекспировской пьесе в Малом театре, и упоминания в сноске об этой заметке.

Для отдельного и подробного разбора Фетисенко выбрала самое сложное по жанру повествование «Рой-Феодосий Саввич на покое». Тщательно прослежены история возникновения замысла, последовательность написания произведения и его рецепция. Начинается девятая глава с объемной выдержки из панегирической в целом статьи критика-славянофила Н.М. Павлова, появившейся в том же издании, что и само произведение, — газете «День». Критик отметил тяжелую «масляную» кисть автора, сравнил его с Тицианом, что, однако, не помешало созданию живых и достоверных образов, неожиданному соединению «списанных с натуры» (с. 196) явлений с легкостью избранного жанра (повесть-анекдот). Фетисенко словно построчно расшифровывает похвалы И. Аксакова, которые тот щедро рассыпал в письмах («народный», но «не мужицкий», «простой», но «не обыденный», «звонящий как натянутая тетива» «живой органический язык», с. 201). Очень интересны следующие размышления автора книги о специфике рифмованной прозы «Роя...». Подмечены мельчайшие нюансы: особый ритмический рисунок, внутренние созвучия и то ли придуманные, то ли подслушанные обороты, выглядящие как пословицы. Не только замечено сходство языка «Роя...» с «Повестью о Светомире царевиче» Вяч. Иванова, но и выявлена общность мотивов, системы персонажей, хронотопа этих двух произведений, что Фетисенко объясняет вероятным знакомством юного Вячеслава с текстом Кохановской. Тут возможным представлялось продлить означенную линию стилизации и вспомнить о поэзии Цветаевой.

О заочной «схватке» Кохановской с И.С. Тургеневым повествуется в главе «...и очи в потолки» (Тургенев и Кохановская: взаимооценки). Тургенева раздражала нарочитая витиеватость языка писательницы, а «Роя Саввича» он назвал даже «образчиком славяногруппёрдой галиматъи» (с. 163). Прямое же указание на Кохановскую возникает в его романе «Дым», где она представляется Потугину создательницей «triple extrait de moujik russe», то есть «тройного экстракта из русского мужика». Фетисенко посчитала это «неточностью Тургенева» (с. 145), так как, на ее взгляд, малороссиянка Кохановская не была изготовителем этого экстракта. Но стоило все же напомнить, что эти слова произносит герой, а не автор романа, хотя, думается, и Тургенев придерживался того же мнения. Кохановская для него — знамя славянофилов, мода на «почву», особую выдуманную певучесть речи, которую она приписывала народу. Писательница не осталась в долгу. Но если Тургенев не принимал идейного содержания творчества представительницы «положительного направления», не желающей замечать «жалкую нагую действительность», отрицающей «беспощадную, грязную, мелкую и нелепую сатиру» (с. 32; эти ее слова из письма А.В. Старчевскому можно расценить как авторское кредо), то Кохановская избрала иную тактику: она в письмах укоряла мэтра за психологические и этнографические «несообразности» (с. 148).

10 День. 1862. № 39. 29 сент. С. 18.

Кохановская не жаловала Тургенева и даже уверяла, что его в провинции почти не читают... Смелость и независимость мнений писательницы бросаются в глаза, когда она решается его критиковать. Здесь четко вырисовываются ее художественные принципы, наиважнейший из которых — достоверность, точность. Она подлавливает писателя на «промахах в отношении условий своего родного, исторически созданного быта», на незнании «условий и живых оттенков разнородных степеней нашего общества» (с. 150) — и не прощает ему их! Ее критика повести «Затишье», заинтересовавшей ее в первую очередь тем, что в ней присутствует «малороссийский» колорит и действует малороссиянка Марья Павловна, а кроме того, постоянно звучат столь любимые Кохановской украинские песни, строится на том, что тургеневский герой Михаил Николаевич Ипатов — владелец 900 душ и, следовательно, не может первым ехать с визитом к незнакомцу, да еще ночью, забыв о важнейшей черте помещиков — гордости. Кохановская патетически восклицает: «И какое странное незнание для писателя — не иметь понятия о самых простых числительных положениях, определяющих вес и место лица в нашем обществе» (с. 309). И далее она находит массу «ни с чем не сообразных» ошибок Тургенева, проистекающих от «совершенного незнания общих, основных положений круга выводимых им лиц» (с. 308): у владельца усадьбы нет лакея, нет гувернантки для дочерей, и говорит он «пискливо», несообразно своему положению.

Но парадокс дотошного перечисления всех недочетов писателя заключается в том, что сама писательница допускает *неточность*! Почему она решила, что Ипатов владеет девятьюстами душами? И в первой публикации в «Современнике» (1854. № 9), и во всех последующих изданиях напечатано: «Душ за ним числилось не более трехсот, но он никому не был должен <...>»¹¹. Кроме того, указано, что Ипатов держал хорошего повара и выписывал недурные вина, а потому можно предположить, что сэкономил на лакее, хотя далее по тексту: «...принесли самовар, накрыли стол для чаю». Это явно говорит о том, что обслуживала гостей домашняя прислуга. И навещает Михаил Николаевич Астахова по-соседски не *ночью*, а скорее всего вечером. А то, что тот после визита вскоре ложится спать, можно объяснить его утомлением: день был напряженным, приходилось улаживать дела в своей деревне, вести беседы со старостой. Ко всему прочему не следует забывать, что Ипатов приходится *родственником*, хоть и дальним, приезжему, в чем также можно усмотреть причины его не совсем своевременного да еще вместе с приятелем приезда. И прибавление словоерса, в чем суровый критик видит несурзанность поведения этого барина, можно объяснить и неким его фиглярством, излишней словоохотливостью, а может, и заискиванием перед родственником, имеющим все же душ в два раза больше, чем он.

Кохановской кажется, что и Астахов «никуда как плох», выглядит «жиденским таким». По ее мнению, этот герой никак не может быть назван «положительным» молодым человеком: «В нем положительности и тени нет» (с. 311). Но ведь именно цель развенчания этой «псевдоположительности» Астахова и преследовал Тургенев. «Положительным», представляясь собравшимся в доме Ипатова гостям, Астахов аттестует себя сам. А на самом деле писатель показал человека, принадлежащего к той породе людей, «которым тяжело предаваться два дня сряду каким бы то ни было необычным мыслям и предположениям», да и «“поэтическое” настроение весьма скоро»¹² их утомляет. То есть ни о какой «положительности» и речи не идет. Налицо явная ирония, которую Кохановская не считывает. Не надо было Фетисенко принимать на веру все приведенные в письме замечания, поскольку по-

11 Тургенев И.С. Затишье // Тургенев И.С. Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 6. С. 21.

12 Там же. С. 37.

лучилось, что Тургенев действительно как заезжий иностранец был не в курсе происходящего на родине, а писательница права в своих претензиях. Справедливости ради стоит сказать, что другие ее наблюдения, как она выразилась, над «частностями» весьма пронизательны.

Возможно, стоило завершить книгу рассуждением об уникальных свойствах личности Кохановской, соединяющей непоколебимую уверенность в собственной правоте с глубокими сомнениями и тягой к совершенствованию, готовность к созидательной деятельности на почве Божьего устройства земного мира, скромность и кротость с гордостью и самомнением, действительно почти не имеющих аналогов в женском творчестве. Также стоило бы более подробно охарактеризовать эстетические принципы, которыми она руководствовалась (к тому же они трансформировались на протяжении ее жизни).

Наследие Кохановской дает уникальный пример сочетания подлинности и достоверности с дерзким вымыслом и фантастическими представлениями о современном и былом. В ее лице мы имеем дело с писательницей, соединяющей публицистический пафос (статьям Кохановской в газетах «Москва» и «Русский мир» посвящена отдельная глава работы) и лиризм, пронизывающую ее строки христианскую струю с мифопоэтическими основаниями мироустройства. Конечно, она обладала поразительным даром проповедницы и пропагандистки. И вполне могла бы стать духовным лидером.

В своих письмах писательница на редкость откровенна в признаниях о том, как протекает у нее творческий процесс, что способствует настрою (молитва и испрошение Божьей милости), как рождается вдохновение. Интересны ее предположения, касающиеся возможной реакции критики на написанное ею, самооценка собственного дара и пр. Можно сказать, что мы имеем бесценные сведения о психологии творчества, о его интуитивном характере (во всяком случае, применительно к данной конкретной фигуре это несомненно), о некоем руководстве свыше, которое в лице Господа ли, Матери ли Божией оберегает религиозного художника. И если Елена Вельтман считала, что первую главу «Роя-Феодосия Саввича...» «следует заставлять юношество вытверживать наизусть» (с. 199), то стоит признать, что некоторые формулировки и выражения Кохановской, рисующие процесс создания произведения, нужно признать всеобъемлющими и безукоризненными. К такому можно отнести: «...труд стоит огромных усилий авторской души» (с. 204). Или «...труд души, полный сомнений, борьбы, недоумения. <...> Я пишу по тому внутреннему побуждению, которое велит мне писать вот *это*, а не то *другое*, что могло бы понравиться публике» (с. 206).

А сколько невзначай произнесенных афоризмов рассыпано по ее письмам! Вот только один пример: «...дорога услуга не выпрошенная, дорога помощь не выплаканная» (с. 286).

Анализ возникающих в душе писателя импульсов позволяет говорить о Кохановской как о пронизательном литературном критике, задумавшемся об истоках народности в литературе, о «глубоких, жизненных основах народного характера». Ее анализ гетевского «Фауста», сделанный «по памяти» (она не имеет перед собою ни перевода Э.И. Губера, ни перевода М.П. Вронченко), поражает воображение. Недавняя выпускница Харьковского института благородных девиц не только расшифровывает идею трагедии, как она ее поняла, но и основательно спорит с Плетневым, а главное, предлагает свой вариант развития действия, которое, на ее взгляд, должно было стать гимном «благостыни утра» и женщине, призванной смирять «гордую мощь ума мужчины теплотою веры и чувством своей кроткой любви», «высокой драмой» восхождения и возрождения человека. Как видим, она и Гете жаждала отвлечь от изображения «ужаса мраков» (с. 57), поставить на «положительные» рельсы.

Другое дело, что «положительно прекрасные идеалы» (с. 154), которые она стремилась обнаружить, были ей изначально ведомы, и она как бы ими измеряла прочитанное, а не извлекала в процессе анализа произведений. Поэтому и поиск нередко приводил к однозначным результатам: «светлый русский взгляд», с высоты окидывая «дышащий мировой силой» «чудный простор», не желал замечать «дряблых и истерзанных чувств» (с. 32—33). Она, сочувствующая сирым и немощным, могла спокойно воспринимать «потоки родной славянской крови», льющейся на полях сражений, поскольку видела в них залог спасения «души от многих и многих скверн нашего последнего материализма, неверия и безбожия» (с. 252). И «великие бедствия человеческой войны» она видела как «благодатную жатву, собираемую ангелами и архангелами», чтобы «утучнить» «великое поле, называемое духом общественной жизни» (с. 255). «Очищение страданием», «умиление скорбью» (там же) — вот тот путь, который рисовался ей для России в будущем.

Думается, что творчество Кохановской может быть вписано в тот пласт культуры, который в начале XX в. дал блестящие образцы «неорусского стиля», особенно успешного в области архитектуры, изобразительного искусства, в ремизовских стилизациях. Романтические тенденции, связанные с фольклором, «приправленные» символизмом, определяют путь В.М. Васнецова, также начинавшего с бытовых зарисовок, а пришедшего к храмовым росписям. И в не принятом большей частью современников «чудовищном» панно Врубеля («Микула Селянинович»), в его приземистом и будто распухшем «Богатыре», в неземной «Царевне-Лебедь» тоже можно найти созвучие любованию Кохановской стариной и ее напряженным поискам национальных основ. А полотнами А.П. Рябушкина можно просто иллюстрировать ее произведения. «Размах и смелость редкая и дорогая в наше время»¹³ — эта черта была, по мысли Толстого, присуща писательнице. Ей удалось сохранять ее всю жизнь — и во времена успеха и признания, и в период забвения и исчезновения с литературного горизонта. И — что самое удивительное — не принимавшая ни в чем «натуральной школы», раздражавшаяся по поводу сатирического пафоса ее представителей, она, по сути, явилась прямой наследницей Гоголя. Но только его последнего христианского периода.

В Приложении к книге публикуются письма Кохановской к разным лицам, которые дают дополнительное знание о ее личности и художественных принципах. Выдержки из ряда писем приводились и ранее, но при полной публикации оказались четко выявлены особенности отношений с близкими людьми, обозначились «способы» общения, говорящие о многогранности натуры отшельницы из Макаровки. Многие из писем публикуются впервые, ко всем ним даны подробные примечания. И — что особенно ценно — исправлены огрехи и неточности предшествующих публикаций, проведена атрибуция, уточнена датировка. Можно, конечно, придаться к мелочам. Вряд ли стоит соглашаться с исследовательницей, утверждающей, что «в идеализации <...> упрекнуть писательницу трудно, потому что рядом с почти райскими картинками есть страницы, рисующие самые черные стороны “старого быта”» (с. 145). Это говорит скорее о страсти Кохановской к романтическим контрастам, чем о попытках «уравновесить» восхищение стариной ее неприятием, тем более что в книге приведены слова Достоевского, воспринимавшего писания Кохановской как «аллилуйю с маслом» (с. 162).

13 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949. Т. 60. С. 291. Правда, рядом с этой характеристикой имеется и другая, полностью уничтожительная, имеющая, однако, отношение непосредственно к повести «Из провинциальной галереи портретов».

Приложение стало бы еще более весомой частью книги, если бы там была помещена «Автобиография» юной Соханской, которая в свое время так восхитила Плетнева и которая, кажется, не публиковалась со времени ее напечатания в «Русском обозрении» в 1896 г. Тогда читатель смог бы составить еще более полное представление о личных качествах создательницы удивительно разнородных текстов. Ведь у окружающих она вызывала довольно-таки противоречивые чувства. С.А. Рачинский: «талант крупный, но характер — мелкий» (с. 11); В.П. Горленко: «огромное дарование, замятое и оклеветанное либеральной критикой» (там же); Ап. Григорьев: «страшно талантливая, но и страшно же увлекающаяся»¹⁴. И явно не хватает ее знаменитой статьи о Пушкине, где она настаивает на религиозной основе его поэзии. Хотя понятно, что включение этих текстов сильно увеличило бы объем издания.

И еще хотелось бы составить более ясное представление о том, когда теряются следы архива писательницы. К тому, что ее двоюродная племянница распорядилась с ним неподобающим образом, Фетисенко возвращается не раз, но подробностей мы так и не узнаём. Также в неведении остается читатель и относительно содержания и стиля незавершенного романа «Степная барышня сороковых годов», над которым Кохановская работала почти двадцать лет, вплоть до кончины. Что от него имеем мы на сегодняшний день?

Надежда Степановна Соханская взяла себе псевдоним Кохановская от украинского «кохати», что значит «любить», не сразу, а только тогда, когда почувствовала в себе силу как литератор. Хотя она жаловалась на отсутствие «улыбки сердечного участия» (с. 194) в ее жизни, этой улыбкой был озарен тот немалый отрезок ее творческого пути, когда она стала буквально знаменем художественной мощи славянофильского направления. И в книге О.Л. Фетисенко чувствуется то «сердечное участие» в судьбе героини и в истолковании ее творчества, без которого немислим серьезный филологический труд¹⁵.

---

14 Григорьев А. Парадоксы органической критики // Григорьев А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 136.

15 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Женщина-автор»: писательские стратегии и практики в эпоху модерна», № 23-28-00348) в ИМЛИ РАН.